КУМИР
ЮБИЛЕЙ

90 лет назад родился Аркадий Райкин

О том, что Аркадий Райкин прожил в Петербурге более пятидесяти лет, напоминает сейчас разве что скромная мемориальная доска на Каменноостровском, 17. Труппа Театра миниатюр под руководством Райкина постоянно находилась в движении, гастролируя по городам и весям страны и зарубежья. А на долю Петербурга приходились редкие относительные минуты покоя.

Вел. Москва. – 2001 – 24 окт. – С. 1, 6.

Живет ОН в Ленинграде, зовут ЕГО АРКАДИЙ

Живет он в Ленинграде,
Зовут его Аркадий...
Иль попросту Аркашка,
Иль Райкин, наконец.
Отрывок из эстрадного номера А. Райкина

Мила КУДРЯШОВА

В 1922 году семья Райкиных обосновалась в Петербурге, где жили родственники. Поселились на шестом этаже большого дома на Троицкой улице (ныне Рубинштейна). Одиннадцатилетний мальчик пошел в четвертый класс физико-химической школы, которая находилась поблизости на Фонтанке, стоило лишь перелезть через забор. А через Невский на Моховой улице — Театр юного зрителя. Райкин был одним из делегатов (по тогдашней моде), направленных школой в театр. А потом маленький Аркадий заболел Александринкой. «Я лез в театр через все мыслимые и немыслимые щели, как-то раз даже через дымовую трубу. Смотрел спектакли из будок суфлера или осветителя... Поначалу гоняли, но потом привыкли и иногда даже помогали спрятаться от грозных режиссеров... Мне было совершенно неважно, что я, допустим смотрел этот спектакль 43 раза. Меня бесконечно волновала таинство перевоплощения, происходящего с актером. Когда он неожиданно переставал быть обыкновенным человеком»...

Год проработав «по специальности» лаборантом на Охтенском химическом заводе, Райкин поступил в Ленинградский институт сценических искусств на курс к Владимиру Соловьеву, ближайшему соратнику Мейерхольда. Здесь же в буфете «театралки» он встретил свою судьбу — девочку в красном берете с мальчишеским именем Рома. Их первый разговор Аркадий Райкин помнил дословно. Она заговорила первая. «Вы здесь учитесь? Как это прекрасно!» — «Да учусь... А что вы делаете сегодня вечером? — «Ничего». — «Пойдемте в кино?» Когда они вошли в зал кинотеатра, заняли свои места и погас свет, Аркадий сказал: «Выходите за меня замуж...»

Его жена актриса Рома Рома (псевдоним ей придумала Рина Зеленая) всю жизнь работала вместе с ним. Поскольку Аркадий Исаакович жил исключительно творческими проблемами, она была душой театра — и в долг давала, и, если надо, замуж выдавала...

А потом были театры: Ленинградский ТРАМ, Театр Ленсовета, а в 39-м году образовался Ленинградский театр эстрады и миниатюр, лидером которого стал Аркадий Райкин. Обосновался театр в помещении на Желябова, где в начале века находился ресторан «Медведь», куда стекалась вся артистическая элита Петербурга.

Театр миниатюр был фактически уникальным примером частного театра в советское время. Конечно, директор назначался сверху, но тем не менее все решал Райкин.

В 81-м году Аркадий Райкин вместе с театром переезжает в Москву. С одной стороны, подтолкнул его к этому решению невыносимый пресс Ленинградского обкома во главе с небезызвестным Романовым, с другой, вся семья уже обосновалась в столице. Но на вопрос, какой город ему ближе, Райкин отвечал, не задумываясь, — Ленинград.

Люди и манекены

В советские времена по воскресеньям вся страна приникала к радиоприемникам. Шла развлекательная программа «С добрым утром!»: все, затаив дыхание, ждали голоса Аркадия Райкина. Билеты на его выступление достать было невозможно. Например, на концерт в столичный зал «Россия» (2,5 тысячи мест) в продажу поступало лишь 200 билетов. Люди стояли в очереди за билетами всю ночь с номерками на руках. Человек, который видел живого Райкина, считался достопримечательностью коллектива.

Стоило машине Райкина выехать на Невский и, к примеру, затормозить перед поворотом, как над проспектом взлетал шелест: «Райкин, Райкин, Райкин».

Мой собеседник, замдиректора питерского Института искусств **Виктор Голомбевский,** вспоминает, как в 71-м году ему, школьнику, чудом удалось попасть на спектакль «Избранное». Райкин год до этого не выходил на сцену — это было связано с постановкой в 70-м спектакля по Леониду Лиходееву, посвященного 100-летию со дня рождения Ленина. В начальный монолог были включены цитаты из «Философских тетрадей» Вождя. А миниатюры каждый мог трактовать в силу своего ума и проницательности. В Ленинграде состоялась шумная премьера, спектакль был принят цензором и зрителем. А на гастролях в Москве разразился жуткий скандал. Райкина «вызвали»... и увезли домой с микроинфарктом. После запрета спектакля А. И. устроил тихую забастовку, год не появляясь на сцене. Поползли самые невероятные слухи, которые провоцировались «знающими» людьми: Райкин переправлял золото в гробу матери и был пойман, он эмигрировал в Израиль и, наконец, вследствие инфаркта... скоропостижно скончался.

Пора было показаться народу. Спектакль проходил в одном из самых больших ленинградских залов — ДК Первой пятилетки. В него вошли миниатюры из разных программ, даже запрещенной. Вся труппа театра очень переживала — как встретят Райкина после долгого перерыва. А зрители от самой Мариинки стреляли лишний билетик...

В зале погас свет. Увертюра. Зрители в ожидании. За поднявшимся занавесом — застывшие в заданных позах артисты театра. И вдруг появился Райкин, стряхивающий с «манекенов» пыль. В первую минуту его никто не узнал. Люди помнили его полноватым, с белой прядью, оттененной густыми черными волосами, а перед ними стоял другой человек, стройный и совершенно седой. На какой-то момент зал оцепенел. А потом... встал. Взволнованный военный выбежал из зала на сцену с огромным букетом красных гвоздик — тут не выдержали уже «манекены» — артисты – и бросились целовать А. И.

Чем тише, тем громче

Наверное, в этот момент судьба Виктора Голомбевского была решена. После школы он устроился осветителем в Театр миниатюр.

— Надо сказать, что появление Райкина на сцене и его поклоны — это отдельный спектакль, — вспоминает Виктор Александрович. — Возникала моментальная сцепка: Райкин–зритель. Возникало какое-то мистическое, загадочное поле. И я специально проверял эту реакцию: как ни заглядывай в лицо зрителю, он не замечает ничего, кроме Райкина. Аркадий Исаакович был гениальным импровизатором. Он не повторял ни одного своего концерта. Взять, к примеру, оркестр, который всегда выступал в программе, заполняя паузы между миниатюрами. На исполнении номеров музыканты были свободны, уходили покурить, вниз, под сцену, но «на Райкина» всегда возвращались и смотрели его 100, 200... 400 раз подряд.

— Коллектив сам по себе был очень маленьким — человек 30, 12 актеров, а остальные рабочие цехов, в основном работающие с А. И. с самого рождения театра. Ему достаточно было своим слабеньким голосом сказать: «Ну что же вы...» И у человека язык прилипал к небу. Хотя внутри это был котел! Если надо, мог испепелить взглядом. Но совершенно по-райкински: «чем тише, тем громче». Отношение к нему персонала можно назвать не без пафоса — служением... Люди были ему, без преувеличения, преданы. Взять, к примеру, костюмера Зинаиду Ниловну. Она была его личным «телохранителем». Он ведь был очень больным человеком, а работал на износ, в жутком темпе, постоянно перевоплощаясь из образа в образ. В антракте он отлеживался, а Зинаида Ниловна стояла в дверях и никого к нему не пропускала. Как-то одна из «шишек» решила пообщаться с Райкиным во время антракта и была выпровожена фразой: «Вас тут много, а Райкин у нас один!»

— Вы постоянно наблюдали за ним со стороны, как он работал?

— Аркадий Исаакович, как я уже сказал, был человеком негромким. Работал все время: дома, за рулем, на сцене. Это было его органическое состояние. В компаниях был склонен скорее наблюдать, оставаясь в тени. Он постоянно опробовал и обкатывал какие-то фрагменты. Потом это вставлялось в ткань его программ. На мой взгляд, привычка так работать формировалась годами, может быть, с детства, когда его болезнь надолго приковывала к кровати... На спектакль он всегда приходил минут за сорок. При всей легкости жанра дисциплина в театре была железной. Это был редкий в своем роде «нешатающийся театр», потому что в коллективе никто не пил. Театр в основном работал на гастролях. Поэтому часто возникали проблемы с театральными семьями. К тому же нигде не подхалтуришь, не снимешься в кино. А уход кого-то из своих артистов он воспринимал очень болезненно, как предательство.

— Каким он появлялся в театре, перед коллегами?

— Одет был всегда с иголочки, по нему можно было сверять моду. Даже дома, больной, когда назначал какую-то встречу, всегда готовился и был в форме. Любил менять одежду. Как любят вспоминать наши актрисы, часто пытался их поразить. К примеру, у них было обговорено, что ко второму звонку актрисы выстраиваются перед песенкой, он выходит к ним, а потом исчезает до определенного момента за кулисами. Но как-то он не вышел к актрисам перед спектаклем. Они начинают волноваться: что случилось? Может быть, А. И. плохо: начинать не начинать? Третий звонок. Увертюра. Начинают без него. И вдруг выскакивает Райкин в темно-синем бархатном костюме неземной красоты и смотрит на их реакцию: каково?

Санкт-Петербург

Алексей ГЕРМАН,
кинорежиссер:

Впервые я увидел Райкина в 1946 году. Это было в Комарове. Меня подвел к нему отец, а потом сказал: «Запомни: это великий человек». Эти слова не произвели на меня никакого впечатления. Я был занят капустным пирогом. Позднее правоту отцовских слов я понял, уже пересмотрев все спектакли Райкина. Судьба тесно и неожиданно связала нас в семидесятые годы. В 72-м он предложил мне, молодому, тогда безработному режиссеру, снять с ним двухсерийный фильм, куда бы вошли номера, которые он сыграл за свою жизнь. Два вечера в Ленинграде, на Каменноостровском, а затем два вечера в Москве, на Тверской, он за чашкой чая вполголоса, без всякого грима проигрывал нам все миниатюры, которые должны были войти в фильм. Идея была такая: Райкин приходит к старому еврею-аптекарю и рассказывает ему всю свою жизнь, показывает всех людей, которых он встречал... Там, на кухне, я увидел фильм, который так никогда и не был снят, я оказался тем самым стариком-аптекарем, которому Райкин все показал. Ощущение встречи с чем-то огромным, с неповторимым талантом у нас со Светланой Кармалитой, моей женой, осталось на всю жизнь. Что стал бы делать Райкин, живи он в нашу эпоху? Мне кажется, сегодня ему пришлось бы смеяться нам нами, над нашими надеждами. Сегодня приходится смеяться над самими собой, и этой очень горько.

Отец и сын. Конец 50-х

Рудольф КУЧЕРОВ

На Невском. Фотография публикуется впервые

Бен БЕНЦИАНОВ,
художественный руководитель «Петербургконцерта», народный артист России:

В жизни Аркадий Исаакович был человек закрытый и даже отстраненный. Вероятно, его неимоверный успех вынуждал носить маску человека чуть мрачноватого, нелюдимого, слишком сосредоточенного. Но иногда он позволял себе немножко пошалить. Помню такой эпизод. Однажды у меня раздался звонок.

— Здравствуйте, Бен, у меня к вам просьба, вы наверное, на меня не очень обидитесь, если я ненадолго попрошу одолжить вашу жену.

— Это, конечно, вопрос сложный, Аркадий Исаакович, — отвечаю я. — А для какой цели, позвольте спросить?

— Рома должна поехать в Москву к Катеньке, которая стала матерью, и я хочу, чтоб ваша Любочка заменила ее на сцене, а она там довольно плотно занята... — разрядил ситуацию Аркадий Исаакович.

Так актриса Любовь Александрова вошла в труппу Театра миниатюр. С этого момента началось сближение семей Райкиных и Бенционовых. Особенно сдружились жены: Люба и Рома. Они доверяли друг другу какие-то свои женские заботы и проблемы. Например, в театре было немало талантливых и очаровательных женщин. Аркадий Исаакович был большим поклонником женской красоты — готовая тема для обсуждения близкими подругами.

Не скрою, мы не были коллегами — я учился у него. Он был гениальный учитель, а я — восхищенный ученик. Но я никогда не заимствовал его идеи, потому что подражать Райкину было невозможно. Делать его репертуар означало губить себя.

Встречая и провожая жену, я наблюдал методы его работы, видел, к сожалению, его старение и немощь. Сидя где-нибудь за кулисами, видел, как он стоит один, голый человек на голой земле, перед занавесом, растерянный: он забывает текст. Я задавал себе вопрос: «Зачем Аркаша идет опять на сцену?» А ему, оказывается, помогало лишь одно лекарство — сцена, и как минимум на несколько лет она продлила ему жизнь.